

УДК 821.161.1–1.Цветаева«19»

Фокина Светлана

кандидат филологических наук, доцент
кафедра мировой литературы
Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова,
Французский бульвар, 24/26, 65058, г. Одесса, Украина
svetlana_fokina@ukr.net

**ЭРОТИЧЕСКИЕ КОДЫ В ЦВЕТАЕВСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ДУХА МУЗЫКИ**

В статье внимание сосредоточено на осмыслении авторской интерпретации ницшеанской метафоры Духа Музыки в лирическом послании М. Цветаевой «Лютня». Представлен поливалентный анализ авторской символики в тексте. Выявлены эротические коды в смысловой структуре стихотворения.

Ключевые слова: Дух музыки, эротические коды, пасторальность, символика, Давид, Лютня.

В авторском мире М. Цветаевой обращение к музыкальной тематике соотносимо с символическим ракурсом концептуализации страстей. Одержимость страстью наравне с музыкальностью для поэтессы истинный путь к катарсису и раскрытию человеческого и поэтического потенциала. Феномен поэта в цветаевском истолковании также связан с музыкальной стихией и, как правило, имплицитно включает в смысловую структуру ее произведений коды и отсылки к орфическому мифу. Согласно утверждению О. П. Хейсти, для М. Цветаевой «Орфей стал <...> прототипом поэта, воплощением той таинственной власти, которая вновь и вновь возрождается в поэтах разных стран и времен» [15, 8].

В ментальном универсуме М. Цветаевой в 1920-е годы помимо неизменного и обостренного интереса к теме Орфея и различным аспектам мифа о нем, актуальной становится мифологема Давида. Интерес к персоналии Давида потенциально включает в лирическую систему поэтессы аллюзии пасторальности. М. Цветаеву интересует ипостась Давида, воплощающая мифологему поэта и сближающая его с Орфеем. В библейском повествовании юный Давид неразрывно связан не только с его высоким предназначением и богоизбранностью, но и с пастушеской ролью. По замечанию Н. Пахсарьян, «пастораль как топос или как жанр – представляет возможность репрезентации <...> любовного дискурса» [6, 5]. Именно пастушеская ипостась Давида-гуслеяра в цветаевском мифе определяет своеобразие моделирования музыкальной эротики, противопоставленной земной любви.

Осмысляя поэтическую систему М. Цветаевой в соотношении с принципами пасторальной эстетики, изначально возникает впечатление, что любое

проявление пасторальности противоречит мировосприятию поэтессы и не находит отражения в ее лирике. Мифологемой, центрирующей художественную идеологию «в пасторальной литературе различных эпох является, несомненно, миф о Золотом веке...» [7, 14]. В соотношении с модусом идиллии смысловая доминанта пасторальной эстетики – «интерес к повседневной жизни человека, чьи радости сосредоточены в сфере естественного чувства, неотделимы от природы и быта» [8, 77]. Эстетизация быта в рамках художественной системы М. Цветаевой в зрелый период творчества оказывается категорически невозможной. Явно противоречат цветаевской аксиологии также идиллическая направленность наравне с мифологемой Золотого века. Почти хрестоматийными для цветаеведения стали слова поэтессы, отражающие ее жизненное кредо: «... между полнотой страдания и пустотой счастья мой выбор был сделан отродясь – и дородясь!» [11, 72]. Такая установка оппозиционна показателям пасторальности: стремлению к обретению гармонии и радости бытия.

Однако «жанр пасторали несводим лишь к „пастушеской” тематике» [4, 13] и, прежде всего, включает в свой семиотический спектр «одну из важнейших проблем культурной рефлексии: „человек и природа”» [4, 13]. Начиная от буколик «музыкальный компонент является одним из основных» [4, 15] для пасторали. Тесная взаимосвязь пасторальной эстетики с природой и музыкой не могла не импонировать М. Цветаевой. В своей статье «Искусство при свете совести» поэтесса подчеркивает принципиальную для нее преэминентность искусства природе. «Искусство есть та же природа. Не ищите в нем других законов, кроме собственных <...> Достоверно: произведение искусства есть произведение природы, такое же рожденное, а не сотворенное. <...> В чем же отличие художественного произведения от произведения природы, поэмы от дерева? Ни в чем. Какими путями труда и чуда, но оно есть. Есмь!» [12, 24]. Приведенное выше цветаевское утверждение позволяет осознать подчас скрытый и парадоксальный диалог творческих изысканий поэтессы с эстетикой пасторальности. Любовная проблематика, присущая модусу пасторальности, актуальна для цветаевской музыкальной эротики.

Говоря об эротическом подтексте цветаевской интерпретации мифа о Давиде, следует отметить важность ипостаси Давида-творца, наделенного песенным даром и магическими способностями. В этом аспекте показательным стихотворением М. Цветаевой «Лютня», лирический сюжет которого центрирует мотив «любовного поединка» Давида и его лютни.

Следует отметить, что «Лютня» несмотря на свою значимость в истолковании темы вдохновения, переходящего в одержимость, практически не включена в поле поиска цветаеведов. В «Библиографии по чтению, анализу и интерпретации поэтических текстов М. И. Цветаевой», составленной Е. Кудрявцевой, работы, обращенные к осмыслению этого текста, не упомянуты. В периодических научных изданиях и конференциях, посвященных М. Цветаевой, полноценные исследования данного произведения также не представлены.

Лишь в монографии И. Шевеленко вскользь отмечено, что «Лютня» входит в группу стихотворений, адресованных Б. Пастернаку.

Цель данной статьи – анализ моделирования М. Цветаевой музыкальной эротики в контексте творческого истолкования поэтессой давидова мифа и Духа музыки на материале стихотворения «Лютня».

В тексте «Лютни» М. Цветаева обращается к мифу о Давиде, вернее той его части, что представляет героя певцом, способным завораживать. Эта ипостась Давида, воплощая мифологему поэта, сближает его с Орфеем.

Лютня! Безумица! Каждый раз,
Царского беса вспугивая:
«Перед Саулом-Царём кичась»...
(Да не струна ж, а судорога!)
Лютня! Ослушница! Каждый раз,
Струнную честь затрагивая:
«Перед Саулом-Царём кичась –
Не заиграться б с аггелами!»
Горе! Как рыбарь какой стою
Перед пустой жемчужницею.
Это же оловом соловью
Глотку залить... да хуже ещё:
Это бессмертную душу в пах
Первому добру молодцу...
Это – но хуже, чем в кровь и в прах:
Это – сорваться с голоса!
И сорвалась же! – Иди, будь здрав,
Бедный Давид... Есть пригороды!
Перед Саулом-Царём играл,
С аггелами – не игрывала! [10, 167]

14 февраля 1923

Замена Орфея Давидом обретает знаковую природу. Орфей в цветаевском восприятии олицетворяет одухотворенность и страдание, Давид же – избранность в осуществлении высшей воли. Орфей несчастен в любви из-за утраты Эвридики, Давид неизменно одерживает любовные победы.

Эрос принципиально поливалентен и неоднозначен. Достаточно вспомнить утверждение Г. Гачева, что «Эрос – та космическая сила, что соединяет по эллинам и луч солнца с землей, и мысль с предметом, и мужчину с женщиной» [1, 8]. Данный аспект эротического задает особенности цветаевского истолкования темы Давида.

Своеобразие авторского переосмысления мифа о Давиде обусловлено вниманием к лютне. Согласно библейской традиции Давид играл на гуслях, избав-

ля царя Саула от аггелов. Заменяя инструмент на лютню, М. Цветаева совершает важную смысловую переориентировку.

Лирический сюжет «Лютни», допуская «... различные варианты интерпретации голосов и распределения ролей» [3, 99], строится как скрытый диалог между Давидом и Лютней.

Семиотический статус лютни в цветаевской символике трансформируется и расширяется. Лютня воплощает идею, что «эрос, проходя через <...> этажи души человека, создает разные человеческие деятельности и искусства» [1, 8] и становится не только эквивалентом лиры – знака сопричастности творчеству, но и воплощением Музыки и женской сущности.

Для М. Цветаевой важен аспект символики Лютни, связанный с любовной эмблематикой. Семиотическая парадигма способствует взгляду на лютню как воплощение «самой Музыки и популярную эмблему любовников» [9]. Реализация этого символического потенциала позволяет рассматривать пару Лютня – Давид как своего рода влюбленных (характерна и датировка написания стихотворения – 14 февраля). Тема влюбленных позволяет акцентировать скрытый и трансформированный пасторальный модус в интерпретации взаимного притяжения-оттолкновения исполнителя и его инструмента.

Имплицитная обращенность к Б. Пастернаку подтверждает наличие в поэтическом тексте кодов любовного послания. Согласно утверждению И. Шевеленко, «Лютня» входит в неканонический цветаевский «цикл» «Стихи к Вам», присланный Б. Пастернаку. «К этому „циклу“ справедливо отнести, по крайней мере, все стихотворения, включенные Цветаевой в рукописную подборку (одиннадцать листов, заполненных с двух сторон), крайние даты которой 7 февраля и 16 октября 1923 года» [14, 252]. Характеризуя лирику, обращенную к Б. Пастернаку, М. Цветаева в письме, написанном в один день с «Лютней», замечает: «Это прорвалось как плотина. Стихи к Вам. И я такие странные вещи в них узнаю. Швыряет, как волны. Вы *утомительны* в моей жизни, голова устаёт, сколько раз на дно ложусь, валюсь на кровать, *опрокинутая* всей этой черепной, межреберной разноголосицей: строк, чувств, озарений, – да и просто шумов. Прочтете – проверьте. Что-то встало, и расплылось, и кончать не хочет, – я унять не могу. Разве от *человека* такое бывает?! Я с человеком в себе, как с псом: надоел – на цепь. С ангелом (аггелами) играть трудно. <...> (и вот уже стих: С аггелами – не игрывала!)» [13, 235–236].

Не случайно сама М. Цветаева подчеркивает созвучие наименования злых духов – аггелов и ангелов, чьим инструментом в искусстве часто выступает лютня. Смысловое сближение злых духов и ангелов позволяет акцентировать пограничность состояния *лирического «я»-Лютни* и выразить эротический подтекст в лютневой одержимости. Погружение в бессознательное способствует тенденции «ассоциировать слова в соответствии с их звучанием, т. е. *в соответствии со сходством между <...> акустическими образами*» [5, 75]. Для М. Цветаевой же это созвучие открывает возможность углубиться в познание скрытой природы Лютни – *духа Музыки*.

Согласно Г. Гачеву, «по варианту Эроса <...> можно описывать-характеризовать облик каждой цивилизации, национальной культуры, эпохи, стиля...» [2, 13]. Цветаевский вариант постижения разных проявлений эротического неизменно сопряжен с переживанием, отражением и воссозданием разных ликов дионисийства. Страстная неистовость Лютни и тяготение к одержимости в любви и творчестве для М. Цветаевой не просто отголосок нищезанятия, а стремление к постижению трагичности поэтического дара и неистовости Эроса. Одержимость, влекущая к неизбежному срыву, определяет силу творческого потенциала, становится реализацией пассионарности, эротичности, задает интенсивность переживания.

Наличие в тексте стихотворения эротических кодов способствует моделированию цветаевской музыкальной эротики. Символика лютни обретает многомерность. Доминантами символики становятся *Дух Музыки, женское начало и предельная трагическая страстность*. В цветаевском универсуме Дух Музыки сопряжен с пограничностью между сопричастностью дионисийству – буйству страстей и трансформированной пасторальной ипостасью возлюбленной. И если Лютня воплощает в нищезанятном ключе Дух Музыки, то Давид – в цветаевском тексте ее избранник, должный даровать ей воплощение. Но именно Давид оказывается инструментом и не может совладать с Лютней – женской сущностью – Музыкой – Безумицей. Учитывая гендерный статус автора и обращенность стихотворения к Б. Пастернаку, Лютня предстает символическим *альтер эго женщины-поэта* в контексте авторского мифа М. Цветаевой.

Список использованной литературы

1. Гачев Г. Национальный эрос в культуре / Г. Гачев // Национальный эрос : [тезисы докладов] ; [отв. ред. Гачев Г.]. – М. : Цеслав, 1995. – С. 12–25.
2. Гачев Г. Русский эрос / Г. Гачев. – М. : Экмо, 2004. – 640 с.
3. Ельницкая С. «Две «Бессонницы» Марины Цветаевой» / С. Ельницкая // Marina Tsvetaeva: One Hundred Years. Материалы симпозиума. 1994, Published by Berkeley Slavic Specialties, Oakland, California. – С. 9-110.
4. Коробова А. Г. Пастораль в музыке европейской традиции : К теории и истории жанра: автореф. дис. на соискание науч. степени докт. филол. наук : спец. 17.00.02 «Музыкальное искусство». – М. : Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского, 2008. – 35 с.
5. Кюглер П. Алхимия дискурса / П. Кюглер // Алхимия дискурса. Образ, звук и психическое. – М. : ПЕР СЭ, 2005. – С. 3–119.
6. Пахсарьян Н. Т. Миф, пастораль, утопия: К вопросу о дифференции и взаимодействии литературоведческих понятий / Н. Т. Пахсарьян // Миф. Пастораль. Утопия. Литература в системе культуры: материалы научного межрегионального семинара. – М. : МГОПУ, 1998. – С. 12–24.
7. Пахсарьян Н. Т. «Свет» и «тени» пасторали в новое время: пастораль и меланхолия / Н. Т. Пахсарьян // Пасторали над бездной: [сб. науч. труд.] / [отв. ред. проф. Т. В. Саськова]. – М. : Таганка МГОПУ им. М. А. Шолохова, 2004. – С. 3–10.
8. Степанов А. Г. Идиллия / А. Г. Степанов // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко]. – М. : Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 77–79.
9. Тресиддер Дж. Лютня [Электронный ресурс] // Словарь символов. – Режим доступа к ист. : http://albooking.net/book_126_glava_312_LJUTNJA.html
10. Цветаева М. Собрание сочинений : в 7 т. – Т. 2. : Стихотворения; Переводы / [сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина]. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб; Книжная лавка – РТР, 1997. – 592 с.

11. Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. – Т. 5., Кн. 1. : Автобиографическая проза; Статьи; Эссе / [сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина]. – М. : ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1997. – 336 с.
12. Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. – Т. 5., Кн. 2. : Статьи; Эссе / [сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина]. – М. : ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1997. – 400 с.
13. Цветаева М. Собрание сочинений : в 7 т. – Т. 6., Кн. 1. : Письма / [сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина]. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб; Книжная лавка – РТР, 1998. – 336 с.
14. Шевеленко И. Литературный путь Цветаевой : Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи / И. Шевеленко. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 464 с.
15. Hasty O. P. Tsvetaeva's Orphic Journey in the Worlds of the Word / O. P. Hasty. – Evanston : Illinois, 1996. – 267 p.

Статтю подано до редколегії 11.12.2014

Фокіна Світлана

Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова
кафедра світової літератури
svetlana_fokina@ukr.net

ЕРОТИЧНІ КОДИ В ЦВСТАЄВСЬКІЙ ІНТЕРПРЕТАЦІЇ ДУХУ МУЗИКИ

У статті увага зосереджена на осмисленні авторської інтерпретації ніцшеанської метафори Духу Музики в ліричному посланні М. Цветаєвої «Лютня». Представлено полівалентний аналіз авторської символіки в тексті. Виявлені еротичні коди в смисловій структурі вірша.

Ключові слова: Дух музики, еротичні коди, пасторальність, символіка, Давид, Лютня.

Svetlana Fokina

Odessa I. I. Mechnikov National University,
department of World Literature
svetlana_fokina@ukr.net

EROTIC CODES IS IN TSVETAEVA'S INTERPRETATION OF SPIRIT OF MUSIC

In the article attention is concentrated on the comprehension of authorial interpretation of nietzschean metaphor of Spirit of Music in the lyric message of M. Tsvetaeva «The Lute». The polyvalent analysis of authorial symbolity is presented in text. Erotic codes is educed in the semantic structure of the poem.

In the mental world of M. Tsvetaeva in 1920th besides unchanging and strained interest in the theme of Orpheus and different aspects of myth about him, mytheme of David becomes actual. In the poem «Lute» 1923 M. Tsvetaeva directly calls to interpretation of theme of David, beating ideas about a hero as musician and singer able to charm. Interest in the personalia of David potentially plugs in the lyric system of poetess of allusion of pastorality.

Originality of the authorial rethinking of myth about David is conditioned by attention to the lute. Substituting an instrument by a lute, M. Tsvetaeva accomplishes

the important semantic reorientation. In Tsvetaeva's interpretation Lute is not only the equivalent of lyre – sign of complicity to work, but also is embodiment of Music and woman essence.

No less important for M. Tsvetaeva is also the other side of symbolics of Lute, related to love emblematic. Realization of this symbolic potential allows to examine a pair Lute and David as the lovers. In this plan the implicit calling of the poem to B. Pasternak is important, confirming a presence in poetic text of codes of love message.

In mental world of M. Tsvetaeva the mytheme of David finds multidimensionality. A lute incarnates in the nietzschean key a spirit of Music, David, giving embodiment to her, appears an instrument and can not control the Lute – Music – Reckless.

A presence of erotic codes in the text of poem assists to design the sense-generation. The spirit of Music, woman beginning and maximum tragic passion, become the dominants of symbolics of Lute. Taking into account the gender status of author and addressing of the poem to B. Pasternak, Lute appears the symbolic alter ego of woman-poet in the context of *authorial myth of M. Tsvetaeva*.

Key words: Spirit of Music, erotic codes, pastortality, symbolity, David, Lute.